

И.А. Бубнова

Эволюция русской языковой личности

Статья посвящена характерным для настоящего времени трансформациям содержания структуры русской языковой личности. Приводимые в работе примеры подтверждают, что сегодня направление развития русской языковой личности в значительной степени определяется процессом заимствования, обуславливающим эволюцию словарного состава языка и наполнение когнитивной базы носителей русского лингвокультурного сообщества.

The article examines the modern typical transformations of the Russian language personality's structural content. The given examples taken together confirm that nowadays the direction of the Russian language personality's development is to a considerable degree determined by the process of borrowings causing the evolution of the lexicon and filling up the Russian lingo-cultural community's cognitive base.

Ключевые слова: содержание структуры русской языковой личности; трансформации; линия развития; заимствования; эволюция.

Keywords: Russian language personality's structural content; transformations; the line of development; borrowings; evolution.

Введение: к постановке проблемы

За прошедшие с момента распада СССР годы русский язык подвергся значительным изменениям, коснувшимся не только условий его использования, но и его лексической и грамматической систем. Эти изменения сегодня осознаются как профессионалами, так и обычными носителями языка, однако если последние, особенно представители поколения, выросшего уже на постсоветском пространстве, объясняют произошедшие перемены увеличившимся в связи с научно-техническим прогрессом и углублением контактов между народами потоком информации, то специалисты предпочитают говорить об адаптации языка к социокультурной эволюции, связанной с процессами глобализации и взаимопроникновением культур.

Безусловно, вариативность — это процесс исторический, она присуща языкам по самой их природе, более того, языки «не просто изменяются, они, можно сказать, единственные системы знаков, изменчивость которых несомненна, засвидетельствована и хорошо изучена» [1: с. 262]. Однако безусловно

и другое: несмотря на объективно существующую разницу между скоростями социального и лингвистического времени, в определённые периоды развития страны скорость изменений в языке увеличивается, и этот факт обусловлен, скорее, скоординированными, но не всегда видимыми и осознаваемыми большинством усилиями, чем спонтанным развитием.

То, что язык есть достояние политики и политиков («тот, кто полностью владеет языком, удерживает в своих руках большую власть, чем тот, кто владеет им нетвёрдо» [1: с. 192], а «любая языковая политика проводится в интересах власти и укрепляет её, составляя одну из надёжных её опор» [1: с. 192]), известно со времён Платона. Причём знания эти не только теоретические, они подтверждены опытом развития самых разных стран, в том числе и недавним (с точки зрения исторической перспективы) опытом России. Только в XX веке русский язык и русская культура дважды подвергалась «перестройке». Сначала это произошло в 1920-е годы, когда «пирамида культуры полностью перевернулась, язык низа, почти бессознательной массы, оказался стандартным, «нормальным» языком» [4: с. 159], в значительной степени переформатировав окружающую людей реальность. Однако при этом, на наш взгляд, в своей основе он всё-таки остался русским, что и позволило сохраниться константам русской культуры, тем духовным ценностям, которые являются основополагающими для народа и составляют инвариантную часть русской языковой личности. В конце XX века, несмотря на внешнее сходство ситуаций: исчезновение целого пласта лексики, вышедшей из употребления, переименование городов, улиц, станций метро, снос памятников и т. д., — внутренняя структура изменений стала иной. Произошло нечто гораздо большее, чем просто появление новых понятий, связанных с новой экономической и социально-политической реальностью и обусловленных способностью языка к означиванию и продуцированию новых смыслов. В русский язык потоком хлынула заимствованная лексика, причём чужие термины не только появлялись и продолжают появляться в тех сферах, которые стали интенсивно развиваться уже в конце прошлого столетия и для которых не было эквивалентов в русском языке. Они пришли на место привычных названий профессий, должностей, учреждений, ими стали заменять слова, которые имели свой, в том числе и культурный, смысл. И этот процесс вряд ли можно считать случайным, если не забывать о нескольких фактах:

1) лексика значительно легче поддаётся изменениям, не только спонтанным, но и скоординированным, а эволюция словаря, изменение смыслового поля значений достигается, среди прочего, добавлением к первичному смыслу (денотативному значению, приводимому в словарях) коннотативного значения, которое, с течением времени, может выдвигаться в ядро;

2) лексика была и остаётся хранилищем определённой идеологии [1: с. 260];

3) национальная самобытность формируется и поддерживается символическими процессами: чувством преемственности со стороны поколений данной культурной группы населения, общими воспоминаниями о ранних событиях и периодах в истории этой группы, понятиями, которые принимало во внимание каждое поколение, и коллективной судьбой его единства и культуры [5: р. 25];

4) язык представляет собой метод анализа действительности и, таким образом, «оказывается тем самым существенным фактором формирования личности, будь то индивид с момента его рождения или человеческий вид на протяжении его истории [1: с. 247].

Иначе говоря, родной язык является не просто главным хранителем культуры и истории народа, его ценностей и моделей поведения, только его существование обеспечивает существование общерусского (и любого иного) языкового типа. А в силу этого очевидно, что изменения на уровне семантики, исчезновение имён-символов, смена поведенческих моделей и т. д. ведут к исчезновению инвариантной части в структуре языковой личности, «которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [3: с. 42].

Современный русский язык и эволюция русской языковой личности

Говоря о современной русской языковой личности и её эволюции, мы опираемся на взгляды Ю.Н. Караулова, подчёркивающего, что «трактовка языковой личности вообще, независимо от специфики её языка, с неизбежностью остаётся схематичной и редуccionистской» [3: с. 8]. При этом собственно национальная языковая личность проявляется только на высших уровнях — уровнях, отражающих иерархию смыслов и ценностей в картине мира человека, которые непосредственно связаны не просто с ординарной языковой семантикой, но с индивидуальными интеллектуальными силами. Именно здесь уже проявляется субъективность, которая, становясь при определённых условиях тенденцией, может обуславливать дальнейшее направление развития не только индивидуальности, но и своеобразия национального характера [2; 3: с. 36].

Однако, как нам представляется, в настоящее время трансформируются не только высшие, но и нулевой вербально-семантический уровень. Практика показывает: даже стандартные для русского языка словосочетания и простые предложения, употребляемые в различных видах дискурсивных практик и составляющие необходимую предпосылку становления и функционирования языковой личности, претерпевают значительные изменения и уже далеко не всегда отвечают нормам русского языка.

Для проверки гипотезы о несоответствии содержания уровней языковой личности стандартам, обязательным для общенационального русского типа, был проведён эксперимент, участниками которого выступили школьники (возраст 16–17 лет, количество — 60 человек).

Респондентам были даны несколько предложений с заданием, во-первых, отметить те, которые не соответствуют стандартным словосочетаниям, характерным для обывденного русского языка, и, во-вторых, в случае выявления такого несоответствия перефразировать ту же мысль, используя фразы с учётом ситуации. Несколько примеров использованных предложений приведены ниже.

Натуральный мейкап уместен в любой ситуации: в театре и в офисе, в спортзале и на пикнике.

Предметом культа хипстеров, или инди-кидов, является не действие, а антураж: вещи, аксессуары, модные тренды... Но некоторые утверждают, что хипстеры сегодня — это уже мейнстрим.

Но как добиться того, чтобы ребята предоставляли откровенный фидбек?

В экспериментальный список были включены типичные сегодня фразы со следующими словами: *аудит, мониторинг, миссия, мейкап, флешмоб, гаджет, новый лук, мейнстрим, рейтинг, форс-мажор, имплементация, тренд, антураж, харизма.*

После обработки полученных данных оказалось, что в 28 % случаев предложенные варианты были оценены как нормативные и не требующие никаких замен.

При этом в дальнейшей беседе выяснилось, что нормативное, по мнению респондентов, предложение *Первый Всероссийский флешмоб, в котором участвовал В.И. Ленин, был организован большевиками 1 мая 1920 года*, интерпретируется ими следующим образом: *первая демонстрация, революция, митинг, движения, выступление, съезд, мероприятие* (подчеркнём, что слово *субботник* не встретилось ни разу).

Помимо этого выяснилось, что ни один участник эксперимента не знает слова *имплементация*; 80 % не понимают значение слова *мониторинг*, при этом большинство опрошенных полагает, что предложение *В рамках аудита мы проводим мониторинг учащихся* соответствует всем существующим нормам русского языка и употребляется в ситуации, когда говорящий обращается к аудитории с просьбой заполнить какие-либо анкеты.

Не вызвали неприятия предложения *Этот стилист способен создать совершенно новый лук* или *Вам следует сменить имидж*, причём замена выделенных слов, проведённая по нашей просьбе, показала, что в сознании носителей русского языка предложенные словосочетания связаны только с внешним видом, тогда как ядерными компонентами данных понятий являются соответственно *чувство стиля* и *искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия с целью выработки определённого отношения к тому или иному объекту.*

85 % опрошенных респондентов считают, что *харизма* (дар, исключительная одаренность от природы) — это *оригинальность*, полным синонимом *рейтинга* (степень популярности) является *успех*, а *мейнстрим* (идеи и методы, типичные в обществе) трактуется ими как *предмет для подражания.*

Таким образом, полученные результаты могут свидетельствовать о двух основных чертах, характерных для современной русской языковой личности: с одной стороны, это неясное, неотчётливое представление о значении употребляемых словосочетаний с иностранными словами, постоянно встречающихся в самых разных типах дискурсивных практик; с другой, бедный словарный запас родного языка и, как следствие, не просто неспособность подобрать соответствующий английскому слову русский эквивалент, но и неготовность воспринимать продуцируемые другими тексты.

Не менее значимые изменения, непосредственно связанные с тенденцией замены слов русского языка на иностранные, происходят в тезаурусе и тесно

связанном с ним прагматиконе языковой личности. Остановимся лишь на нескольких примерах.

В ходе интервью, проведённого после эксперимента, выяснилось, что в сознании языковой личности начинают исчезать различия между смысловым содержанием русских и английских лексем, называющих одинаковые феномены, однако отличающихся иерархией, а часто и набором входящих в значение компонентов. Так, слово *tolerance* соотносится сегодня как с *терпимостью*, так и с *терпением*. В ряде случаев отмечается, что *терпение* и *толерантность* — разные понятия, но носители русского языка не могут объяснить главного отличия — наличия компонента *неравнодушие*, отсутствующего в поле *толерантности*. 75 % не отметило разницы в смысловом содержании русского слова *друг* (качество) и английской лексемы *friend* (количество и категории), считая их идентичными.

Привлекает внимание трансформация смыслового поля слова *честь*, где происходит переструктурирование иерархии компонентов с выдвиганием в ядро периферийных ранее значений, причём данный процесс коснулся изначально английского, а сегодня уже и русского языка, следовательно, и соответствующих культур. Так, в начале XX столетия значение английской лексемы *honour* определялось как *Esteem due or paid to worth; high estimation; high moral worth; virtue; nobleness* [11]. Практически так же ещё в последней трети XX века в нашей стране толковалось значение слова *честь* в Малом академическом словаре: *честь* — *совокупность высших морально-этических принципов личности* [7] или в Толковом словаре Ожегова [10]. Сегодня для большинства наших респондентов *честь* оказалась синонимом понятия *достоинство*, что совпадает с определением данного понятия как в современных английских, так и русских толковых словарях: *Честь* — *моральное, профессиональное, социальное и т. п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны окружающих* [9]; *деловая репутация (правовая защита)* [6].

Изменения в смысловом поле слова *честь*, как и в подобных ему понятиях, отражающих качества, высоко оцениваемые в культуре: *достоинство, самоотверженность, преданность, успех, невежество, трагедия* и т. п. — ярко проявляются на уровне прецедентных феноменов, которые не просто составляют центральную часть индивидуального и коллективного когнитивного пространства, их знание отражает **взаимосвязь людей в рамках одного культурного сообщества** в определённый период [3] (выделено нами. — И.Б.).

Сегодня прослеживается и тенденция к снижению готовности оперировать национальным ономастикомом, замена его на интернациональный. Результаты экспериментов, проведённых нашей аспиранткой, показывают, что для современной русской языковой личности символом *достоинства* и *чести* являются *мать Тереза* и *Мерлин Монро*, *Дон Кихот* и *Жанна Д'Арк* соответственно. Олицетворением *предательства* в сознании молодёжи являются *Иуда* и *Павлик Морозов*, *невежества* — *Pussy Riot* и *Ксения Собчак* (исчезли *Митрофанушка*, *Шариков* и т. д.). Но самое примечательное, на наш взгляд, что прецедентным именем — знаком трагедии в коллективном когнитивном пространстве **носителей русской лингвокультуры**, её молодого поколения, стали *баини-близнецы* в Нью-Йорке,

но не *Норд-Ост*, *Чернобыль* или *Хатынь*. И на этом фоне уже совершенно не удивляет, что *Билл Гейтс* (*Роман Абрамович* оказался с большим отрывом на втором месте) стал воплощением *успеха*, а *Хатико* — *преданности*.

Одним из ярких примеров того, как уничтожается культурная составляющая в структуре русской языковой личности, является направленное конструирование нового смыслового поля понятий *образования* и *воспитания*, где ядерные компоненты *развития* и *саморазвития личности, связанные с овладением социально значимым опытом человечества, воплощённым в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру*, заменяются понятиями *миссий, компетенций, отчуждаемых продуктов*, с помощью которых эти компетенции проверяются, *бесконтактной нагрузкой* и т. п. И неважно, что подвиг Януша Корчака, ставшего в мировой истории символом высоты духа и любви к детям или деятельность Антона Макаренко, посвятившего всю свою жизнь воспитанию подростков и определившего своими работами развитие педагогической мысли в XX веке, не имеет ничего общего с *миссией* — понятием, относящимся к коммерческой организации, включающей в себя её собственников, нацеленных на извлечение прибыли (см.: *Миссия — смысл существования компании с позиции удовлетворения потребностей клиентов, реализации конкурентных преимуществ, мотивации сотрудников фирмы* [6]). Главное, что именно таким образом можно добавить коннотативные компоненты к основному содержанию значения слова *образование*, причём компоненты, подразумевающие именно обслуживание, а значит, и подстройку под потребности тех, кто рассматривает себя как *клиента*. Далее цепочка очевидна: клиент всегда прав, клиент может предъявлять любые требования, но это уже совершенно иная сфера, не имеющая ничего общего с пониманием смысла профессии учителя великими мыслителями, считавшими, что:

«Учитель прикасается к вечности: никто не может сказать, где кончается его влияние» (Г. Адамс),

«Ученики должны искать одобрения учителя, а не учитель — одобрения учеников...» (М. Квинтилиан),

«...лишь чтя наставника, сможешь перенять его правду. И лишь перенимая правду, народ способен почитать науки...» (Конфуций) [8].

Так, путём вытеснения и замещения одних элементов другими, изменяется содержание когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества и традиционные для русской культуры модели поведения.

Выводы

В целом, вышеописанные трансформации позволяют утверждать, что на всех уровнях русской языковой личности происходят сдвиги, которые в значительной степени спровоцированы современным состоянием русского языка и направленным изменением смыслового поля понятий, важных для русской культуры.

Библиографический список

Литература

1. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. Б.П. Нарумова. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2006. 304 с.
2. *Бубнова И.А., Красных В.В.* Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 4 (16). С.80–89.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
4. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004. 272 с.
5. *Smith A.D.* National Identity. London: Penguin, 1991. 226 p.

Справочные и информационные издания

6. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 30.04.2015).
7. Малый академический словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (дата обращения: 30.04.2015).
8. Профессия «Учитель». Высказывания мыслителей и педагогов о роли учителя. URL: <http://music-fantasy.ru/materials/professiya-uchitel-vyskazyvaniya-mysliteley-i-pedagogov-o-rol-i-uchitelya> (дата обращения: 02.05.2015).
9. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999. 433 с.
10. Толковый словарь Ожегова. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 30.04.2015).
11. Webster Dictionary, 1913. URL: <http://diskart.ru/Honor.html> (дата обращения: 30.04.2015).

References

Literatura

1. *Azhezh K.* Chelovek govoryashhij: Vklad lingvistiki v gumanitarny'e nauki / Per. s fr. B.P. Narumova. 2-e izd., stereotip. M.: Editorial URSS, 2006. 304 s.
2. *Bubnova I.A., Krasny'x V.V.* Chelovek i ego obraz mira kak ob'ekt i predmet sovremenny'x integrativny'x issledovanij: tradicii i novacii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 80–89.
3. *Karaulov Yu.N.* Russkij yazy'k i yazy'kovaya lichnost'. M.: Izd-vo LKI, 2007. 264 s.
4. *Mamardashvili M.* Soznanie i civilizaciya. Teksty' i besedy'. M.: Logos, 2004. 272 s.
5. *Smith A.D.* National Identity. London: Penguin, 1991. 226 p.

Spravochny'e i informatsionny'e izdaniya

6. *Efremova T.F.* Novy'j slovar' russkogo yazy'ka. Tolkovo-slovoobrazovatel'ny'j. M.: Russkij yazy'k, 2000. URL: <http://www.efremova.info/> (data obrashheniya: 30.04.2015).
7. Maly'j akademicheskij slovar' / Pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij yazy'k, 1981–1984. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (data obrashheniya: 30.04.2015).

8. Professiya «Uchitel'» Vy'skazyvaniya my'slitelej i pedagogov o roli uchitelya. URL: <http://music-fantasy.ru/materials/professiya-uchitel-vyskazyvaniya-mysliteley-i-pedagogov-o-rol-i-uchitelya> (data obrashheniya: 02.05.2015).
9. Slovar' russkix sinonimov i sxodny'x po smy'slu vy'razhenij / Pod red. N. Abramova. M.: Russkie slovari, 1999. 433 s.
10. Tolkovy'j slovar' Ozhegova. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (data obrashheniya: 30.04.2015).
11. Webster Dictionary, 1913. URL: <http://diskart.ru/Honor.html> (data obrashheniya: 30.04.2015).